русский пионер

16+

ISSN 2071-3037

ЧиТилище

№3(97) июль–август 2020

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 8

первая четверть

Урок труда. Скоро все увидимся. **Андрей Макаревич** про РЗЧГ 2612 У стр. 14
Урок уроков. Самочистка. **Иосиф Райхельгауз** о фантастических механизмах стр. 16
Сбор металлолома. Шлюзы той ночи. **Илья Сачков** в знаменательной барже стр. 20
Урок этики. Бремя испытательного срока. **Владимир Познер** про чистилище внутри нас, хотя у некоторых там ад стр. 22
Урок истории. Чистотилище. **Андрей Десницкий** о том, с чего начинается Запад стр. 26
Прогул уроков. Уйти на края. **Павел Пепперштейн** про заговор дельфинов стр. 28
Урок биологии. Предбанничек. **Игорь Хуциев** о том, как у крыс и у людей стр. 30

вторая четверть

Пионер-герой. Семь симеонок. Корреспондент «РП» и Весна Священная на окраине Истры стр. 36
Следопыт. Хроники последнего коктейля. Обозреватель «РП» спасает мир от коронавируса стр. 48

третья четверть

Диктант. Чистилично. В тему номера стр. 60
Дневник наблюдений. Пост № 4. Корреспондент «РП» в «красной зоне» 1-й Градской стр. 62
Собеседование. Рестарт чичероне. Шеф-редактор «РП» про открытие Вечного города стр. 74
Урок поэзии. Стихи **Андрея Орлова (Орлуши)** стр. 82
Сочинение. Во всю стену. Рассказ **Майка Гелприна** стр. 86
Комикс **Андрея Бильжо** стр. 97

четвертая четверть

Урок мужества. Наследница завещания. Обозреватель «РП» банит *стр. 102*
Урок географии. КАРР КАРР КАРРАНТИН. Дневник-репортаж **Владимира Друка** из-под Нью-Йорка *стр. 108*
Фотоувеличитель. На тот берег *стр. 118*

группа продленного дня

Правофланговый. Сьюзан Зонтаг как метафора. **Виктор Ерофеев** про то женское лицо, которое ему напоминает чистилище *стр. 134*
Пионервожатая. Война и мир. А не игрушка. **Ольга Ускова** про самый сильный контроль качества *стр. 138*
Завуч. Очищение коронавирусом в 4 частях. **Андрей Бильжо** о личном коронавирусе *стр. 142*
Отличник. ДЭПЭ. **Андрей Крайний** про фуганки-киянки *стр. 146*
Центровой. Неловко иду в обнимку. **Илья Бачурин** про свое кино в масштабе чистилища *стр. 152*
Пионервожатый. Очистилище. **Кирсан Илюмжинов** о том, что, если мир шатается сейчас, причиной — мы *стр. 154*
Звеньевая. Существо забывающее. **Лиана Давидян** про свободу после финала *стр. 158*
Отличница. Стигма негативного поведения. **Лена Фейгин** о преодолении нелюбви *стр. 160*
Барабанщик. Чистилище и Николаевны. **Григорий Служитель** о том, как замереть в шаге от райских кущ *стр. 162*
Запевала. На чистую воду. **Сергей Петров** про ментовские штаны с лампасами *стр. 164*
Горнист. Зов водки. **Вита Буйвид** о том, сколько же можно не пить *стр. 166*
Всегда готово. Яйца с перцем. Обозреватель «РП» на кухне постапокалипсиса *стр. 170*
Внеклассное чтение. Чистилище. Главы из романа **Дмитрия Быкова** *стр. 176*
Шахматный кружок. Эндшпиль по плану *стр. 184*
Линейка. Первые пандемические *стр. 188*
Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 191*

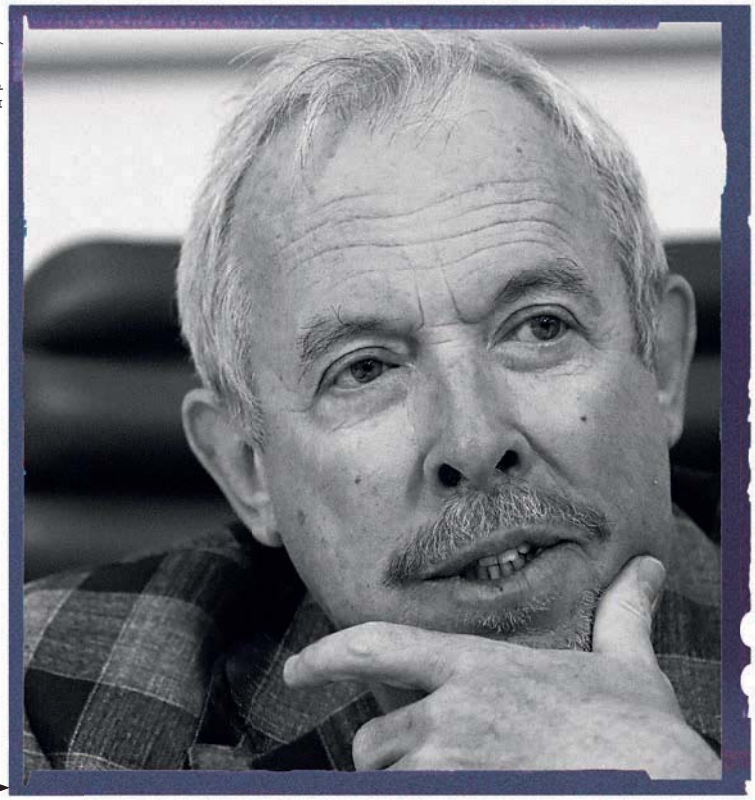
Всегда готов!

рисунок: татьяна максимова

Первая четверть.

Урок труда. Скоро все увидимся. **Андрей Макаревич** про РЗЧГ 2612 У. *Урок уроков.* Самочистка. **Иосиф Райхельгауз** о фантастических механизмах. *Сбор металлолома.* Шлюзы той ночи. **Илья Сачков** в знаменательной барже. *Урок этики.* Бремя испытательного срока. **Владимир Познер** про чистилище внутри нас, хотя у некоторых там ад. *Урок истории.* Чистотилище. **Андрей Десницкий** о том, с чего начинается Запад. *Прогул уроков.* Уйти на края. **Павел Пепперштейн** про заговор дельфинов. *Урок биологии.* Предбанничек. **Игорь Хуциев** о том, как у крыс и у людей.

антон новодержкин/тасс

Скоро все увидимся

текст: андрей макаревич рисунок: наташа монастырская

Музыкант Андрей Макаревич разглядел чистилище, которое от нас пока временем сокрыто. Поэтому точно не известно, именно таким оно будет или не совсем. Но просто как вариант.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, дорогие мои. Уж и не думал, что напишу вам, а тут вспомнил вдруг, что выпивал как-то с одним батюшкой. Зашел у нас разговор про ангелов, и он мне объяснил, что ангелы небесные суть почтальоны, вести доставляют с небес на землю. Ну, я одного тут и попросил. Он обещал. Не бесплатно, конечно. Ну да ладно. Так что надеюсь, что весточка моя долетит.

Как вы там живете? У нас тут про Землю ничего не известно. Раньше, говорят, было радио «Эхо Земли». Но потом его упразднили. Теперь только радио «Вера» перед отбоем. Так что все сведения получаем от вновь прибывших. Они говорят, у вас там вирус, некоторые прям тут кашляют. Ну нам-то че, мы свое отболели.

Чистилище наше называется «РЗЧГ 2612 У» — на воротах было написано, я прочитал, когда нас завозили, и на простынях тоже напечатано. Живем мы тут хорошо, спокойно. Раньше все хотел по привычке посмотреть, который час, но часы у нас отобрали — говорят, счастливым не положено. Ну, я постепенно и привык. Еда тоже хорошая. Не то чтобы сильно разнообразная, но «Доширак», хлеб, сахар и чай дают три раза в день. К тому же имеется ларек — там леденцы, сигареты «Седьмое небо» и чай «Улетный». Если его три пакетика на кружку — очень даже забирает. Сильно хочется иногда посмотреть на Землю нашу и как вы все там на ней, но не выходит: чистилище наше крытого содержания, окошки все высоко и замазаны белым, а дворик для прогулок и вовсе внутренний. Так что никакого представления не имею относительно того, как далеко мы от вас расположены.

Днями занимаемся общественно полезным трудом — для очищения. Говорят, собирались открыть комбинат по производству духовных скреп, но не смогли установить, из чего эти скрепы следует производить. Так что пока шьем сутаны для младшего состава и наволочки. Работа приятная, не пыльная.

Вечерами завариваем чай, травим байки. Те, которые здесь давно, по-нашему «чистильцы», рассказывают, как тут жили раньше. Жили по-разному.

Народу нас тут много — в одной хате сорок душ, хотя, говорят, положено двенадцать, и хат таких восемнадцать корпусов, а сколько хат в каждом корпусе — это мне не известно. И народ все прибывает. Это потому, что уже очень давно никто от нас не убывал. А вообще-то положено отсюда в рай — после соответственного очищения. Чистильцы говорят, что раньше уходили этапы — вроде в рай. Впрочем, сведений от отбывших более не поступало, и где они теперь — никому не известно. Еще говорят, что рай не резиновый и вообще не для всех, а души с Земли прут и прут. Вообще, с информацией тут плоховато — в наших православных законах ничего толком про

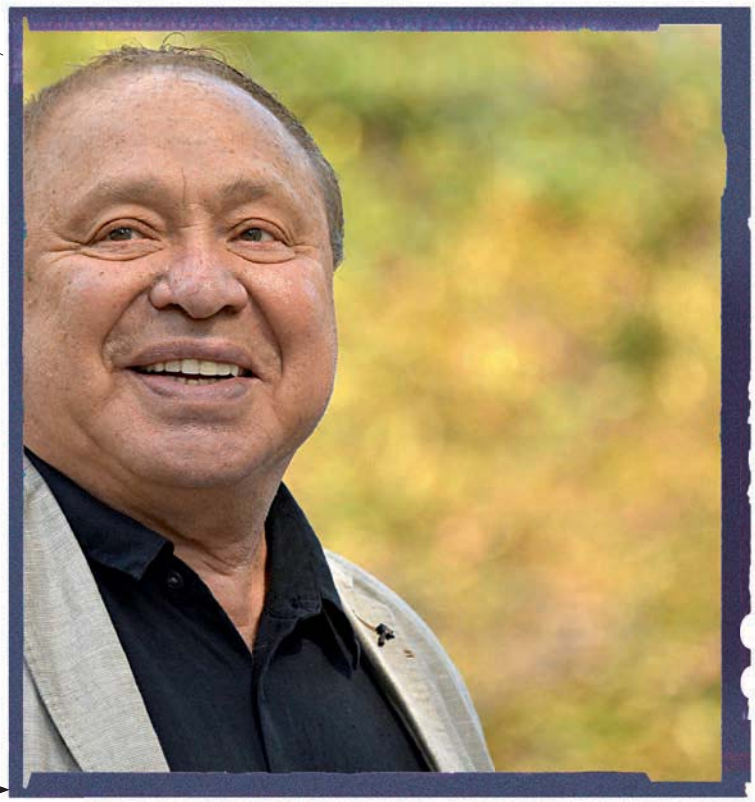
Говорят, что рай не резиновый и вообще не для всех, а души с Земли прут и прут. Вообще, с информацией тут плоховато — в наших православных законах ничего толком про чистилище я не нашел.

чистилище я не нашел. Говорят, только чего-то у Маккавеев — так кто ж их читал. И вообще они сами знаете кто — не нашей веры. Да еще, говорят, восстание подняли. В общем, я слышал, осенью собираются в Священное Писание внести кое-какие поправки — чтобы разъяснить, почему мы тут так долго и с какой целью. И даже обещают голосование, и мы будем голосовать «за» — тут по-другому не положено.

А я вот думаю: жили себе без всяких законов да поправок и горя не знали. И еще б сто лет прожили. Чего зря народ баламутить?

Ну ладно, родные мои. Листочек кончается, и свет сейчас вырубят. Кланяйтесь там нашей родне, шлю им приветы. И не скучайте — скоро все увидимся.

Остаюсь ваш Федор Плюхин.

антон великжанин/ тасс

Самочистка

текст: иосиф райхельгауз рисунок: polina fractall

Режиссер Иосиф Райхельгауз ищет ответ на вопрос, что такое чистилище, методично, просто-таки академически, и приходит к не самому ожидаемому ответу: оно должно быть внутренним для каждого из нас, то есть судом над собой. Самое интересное тут — подробности. И вот они.

КОГДА получаю предложение от «Русского пионера» опубликовать эссе на «заданную тему», чувствую себя то ли студентом, готовящим курсовую, то ли школьником, которому надо написать сочинение. Или журналистом с неожиданным заданием от редакции. Всякий раз — необычный стимул для размышлений, поиска ответов на интереснейший, как оказывается, очень волнующий и важный вопрос.

Услышав слово «чистилище», разумеется, для начала погрузился в религиозную литературу. Из первоисточников и комментариев к ним выяснил: впервые это понятие возникает в Ветхом Завете. При этом рассматривается путь от Иерусалима сквозь твердь, который завершается где-то по ту сторону Земли. Это меня очень зацепило: все сосредоточено в этом мире, а не за его пределами. Христианский ад — где-то в глубине, рай — на небесах, а здесь все именно на Земле!

Католики тоже используют понятие «чистилище». Как и многие положения христианской веры, эта категория официально внедряется на очередном Вселенском соборе: окончательно догмат о чистилище был подтвержден только в 1563 году. Кстати, многие постулаты, которые кажутся вечными, возникли довольно поздно. Например, догмат о непорочном зачатии и, соответственно, о девственности Марии был принят католиками только в середине XIX века.

Протестанты обходятся без чистилища. Русская православная церковь также не признает этого понятия, как, кстати, не признает и непорочного зачатия.

По мне, любые свидетельства, зафиксированные в святых книгах — будь то Библия, Тора, Коран, — явления художественной литературы. А потому Дантова «Божественная комедия» находится с ними в одном ряду. У Данте тема чистилища раскрыта самым ярким и понятным образом. И рай у него, как и в Ветхом Завете, на Земле, а не на небесах. Самое главное, что привлекает у Данте: он отвечает на важнейший, может быть, наивный вопрос, мучивший меня с детства (уверен, не только меня): если Бог такой всесильный, почему он не создал идеальный мир без греха, страданий, преступлений, наказаний? Ведь для многих атеистов это аргумент в пользу безбожия. Если нельзя прийти в храм и договориться с Богом или его представителями по поводу решения своих проблем — зачем тогда туда ходить?

Но у Данте дан четкий ответ. Господь, или Закон, или Высший Разум, или Как Хочешь Его Назови предоставил человеку путь свободного выбора. Это и есть свобода для того, кто создан «по образу и подо-

бию»: человек сам создает свой мир. Он может убивать, а может спасать, заражать или лечить, доносить на соседа или писать стихи, завидовать или любить, жрать и бухать или танцевать «Лебединое озеро». А еще он может делать и то и другое. Сегодня любить, а завтра сходить с ума от ревности, сегодня спасти тонущего ребенка, а завтра оскорбить женщину, сегодня написать оперу «Борис Годунов», а завтра уйти в запой, как Мусоргский, сегодня продирижировать Девятой симфонией Бетховена, а завтра вступить в нацистскую партию, как Герберт фон Караян…

Понимание чистилища — ключевой момент этой свободы. Потому что твоя жизнь — это и есть чистилище.

Удивительный момент у Данте: пройдя чистилище, человек возвращается на Землю. И если есть возможность искупления, то она здесь, на Земле. Есть грехи, от которых можно даже откупиться. Особенно у католиков. Там и индульгенции действовали. Да и у нас немало бандитов построили часовни и церкви. Кое-кто так и задерживается в чистилище, приходя к живым в виде призраков: ни ад, ни рай их не принимают. Они не определены.

Но человек определен сам для себя. Он сам себя ЧИСТИТ. Как? Каждый по-своему. Вот как это у гениального Владимира Маяковского:

Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных ракушек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнца близ,
и счищаешь
водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше…

Можно стыдливо сделать вид, что он не писал про Ленина. Но это неверно. Писал. И не перестал быть из-за этого гением. Просто закончил выстрелом.

В этом и есть противоречие этих «самочисток»: какой критерий вы себе выбираете? С каким идеалом соотносите? Какой закон исповедуете?

Слово «чистилище» в своем однокоренном родственном понятии «чистка» приобретает зловещий оттенок: политические чистки, партийные чистки, сталинские чистки…
Гегелевский тезис о единстве и борьбе противоположностей здесь реализуется очень остро: с одной стороны, необходимость прохождения чистилища как освобождения от грязи, лжи, догматов, с другой — опасность радикализма и выбора неверного пути. Думаю, что наши счастливые, живые, открытые миру 90-е — это тоже была попытка устроить чистилище, провести ревизию ценностей, произнести правду, нарушить режим запретов на свободную реализацию личности.
Но сама эта чистка в конечном счете вместе с грязными ракушками и водорослями выплеснула человека, который в очередной раз оказался на обочине, где правят обман, манипуляции, пренебрежение.
Германия, проведя Нюрнбергский процесс, до сегодняшнего дня

Посещение театра, картинной галереи, концертного зала, прочтение книги — это каждый раз суд над собой. Судьей выступает великий поэт, композитор, художник.

на законодательном уровне исповедует однозначное отрицание нацизма. Тем самым, пройдя сквозь чистилище, эта страна обрела свое право дальше жить на Земле без комплекса вины.
Мы не способны объективно осмыслить ни одно из явлений своей истории — от Ленина и Сталина до Горбачева и Ельцина. Наши оценки исторических событий диаметрально противоположны, наш мир неустойчив, не сбалансирован, в нем нет правых и неправых, нет жертв и палачей, нет святых и грешников. Это не в порядке осуждения, просто — констатация факта. Возможно, в этом есть и некоторое наше преимущество: совесть как внутреннее чистилище каждого становится важнейшим и даже единственным инструментом для идентификации того, о чем писал все тот же Маяковский: что такое хорошо и что такое плохо.
Конечно, мы тоже меняемся. Меняются наши ориентиры и внутренние нормативы. Мы не можем жить вне регламентов и правил, принятых обществом. А они ведь тоже переменчивы. Если религиозные догматы устанавливаются законодательным образом, то что уж говорить о светских нормах? Недавно прочитал, что еще 30 лет назад гомосексуализм признавался Всемирной организацией здравоохранения болезнью. А теперь не признается. А в СССР тот же гомосексуализм подпадал под уголовную статью. А теперь нет. Я должен отныне изменить свое отношение к гомосексуализму? Радостно его приветствовать? Если я не социопат, то — конечно. Общество предъявляет мне норматив, и я его принимаю. Чем это отличается от, скажем, норматива аборигенов, которые съели Кука? У них каннибализм был общественно принятой нормой. Или от восточной традиции многоженства? Общество это допускает. Значит, и я должен допускать.
Как решить эту проблему? Только внутренним чистилищем. Судом над собой. И есть для этого у человека прекрасное средство. Более мощное и действенное, чем посредничество священника, имама или ребе. Это искусство. Театр, музыка, литература, живопись — фантастические механизмы, способные провести человеческую душу через чистилище. Посещение театра, картинной галереи, концертного зала, прочтение книги — это каждый раз суд над собой. Судьей выступает великий поэт, композитор, художник. Ты смотришь «Короля Лира», и Корделия судит тебя за твою черствость по отношению к родителям. Но ведь это же не она — это ты сам себя осудил при помощи истории, написанной Шекспиром. Есть такое выражение «музыка выворачивает душу». Оно не случайно: стоит только послушать Шестую симфонию Чайковского — и ты станешь другим. А если не получается? Если скучно смотреть спектакль по пьесе Чехова, читать Достоевского, неохота идти в Эрмитаж? Пожалуй, друг, ты уже в аду.
Мне было лет двенадцать, когда я познакомился с семьей одесских художников Ивницких, общение с которыми перевернуло мою жизнь. Очень дружил с отцом Зои Александровны — он жил в отдельной комнатке их небольшой квартиры и поражал мое воображение страшными рассказами о допросах в НКВД (он сам был одним из руководителей этой организации на Украине, а потом, как это часто бывало, ее жертвой). Однажды я пришел к Ивницким и застал их грустно сидящими в большой комнате. Отец Зои Александровны умер. Он лежал за стеной. Некто, видимо агент похоронной конторы, деловито хлопотал, готовя тело к погребению: входил и выходил, что-то брал… Это было невероятно для меня — никогда раньше смерть не оказывалась так близко. Осознавая, что в соседней комнате лежит мертвец, я просто цепенел от ужаса. И вдруг агент, в очередной раз войдя к нам в комнату, попросил ножницы. Не дожидаясь вопроса «зачем?», как-то очень просто, по-бытовому пояснил: «У покойного колено не разгибается, надо подрезать сухожилие». Не знаю, как я не потерял сознание. Зоя Александровна взглянула на меня и все поняла. Она встала, подошла к пианино, открыла крышку и заиграла «Лунную сонату» Бетховена. Сыграла полностью всю первую часть. Когда музыка закончилась, я уже был другим. Не знаю — очистился или причастился… Эта музыка была в этот момент выше всего. И объяснением всего — жизни, смерти…
Закончу одним из самых загадочных стихотворений в русской поэзии — Осип Мандельштам написал его в самом конце жизни. Много думал над ним. Что-то, кажется, разгадал. Не буду навязывать свою версию: гадайте сами.

Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище —
Раздвижной и прижизненный дом.

из личного архива

Шлюзы той ночи

текст: илья сачков рисунок: леонид эдельштейн

Казалось бы, что тут такого? Автор колонки, предприниматель Илья Сачков повествует об одном своем путешествии по водному пути. Но в номере, посвященном чистилищу, как только появляется вода, река, да даже канал, — ассоциации с чем-то из Данте неизбежны. И не случайны эти ассоциации. Сами убедитесь.

2018 год. Лето. Поздний вечер. Мне 31. Странная старая, темная баржа, нелепо стоящая около свежих и блестящих небоскребов Москва-Сити. Хотя старое и ржавое мне всегда нравилось больше, чем новое и блестящее. Отсюда у меня нелюбовь к градоначальнику 2000-х и его жене.

Это лето, да и весь год, были сложными во всех планах. Якоря, которые держали еще с детства, куда-то делись, а новые не появились. В такие моменты я езжу в места силы. В Москве это фонтан около памятника Петру I на Измайловском острове. Именно там стоит тот Петр, который сто́ит того, чтобы постоять с ним рядом.

Еще одно место — шлюзы в Покровском-Стрешневе. В этот раз каши в голове было сильно больше, и я решил возвращать якоря, поднимая их на барже, которая ночью должна пройти через шлюзы Москвы и утром причалить у Речного вокзала.

Вспоминая эту историю, я до сих пор не до конца уверен, была ли она реальна. Или это был сон. Или кто-то вставил мне в мозг кусок искусственной памяти. Но, если честно, все было именно так, как оно было.

Ближе к полуночи нас запустили на борт. Людей было совсем немного, 10–13 человек, хотя баржа достаточно большая. Капитан — в точности такой, каким вы его представляли в детстве и какого совсем не ожидали увидеть в московской флотилии. Взрослый, лицо в красивых морщинах. Казалось, что он из «Детей капитана Гранта», но никак не отсюда.

Баржа тронулась, и мы начали свой путь, огибая огромные башни и стройки Москва-Сити. С такого ракурса Москву я еще не видел. Капитан, стоя у штурвала, по радио рассказывал про историю каналов, про их архитектуру и инженерную мысль. Люди разбрелись по палубе.

Я же, слушая рассказ капитана, начал визуальное знакомство с героями этого путешествия в ночь. Лично знакомиться без особой нужды я не умею, да и не хотелось в тот вечер. Гости баржи были и героями, и помощниками одновременно: своими разговорами они помогали достроить портреты друг друга.

Русский опер, похожий на кого-то из «Улиц разбитых фонарей». С лицом из советских фильмов про героев войны или хороших милиционеров 60-х годов.

Врач, то ли из скорой помощи, то ли реаниматолог, то ли хирург. Суховатый, немного сутулый мужчина с пустым взглядом. С женой или девушкой. Они походили на пару из конца 80-х, много курили и держались поодаль от остальных.

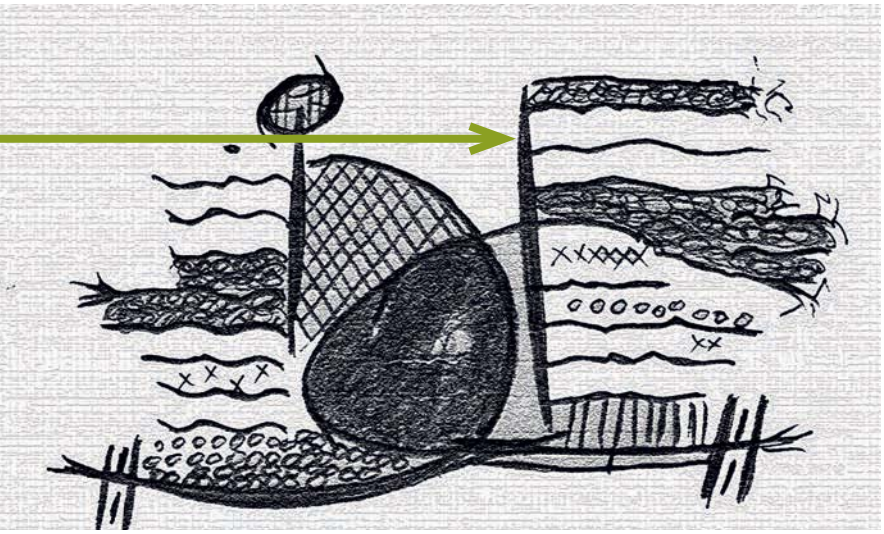
Зашли в первый шлюз. Баржа остановилась у правого берега. Мы были одни и застыли в ожидании других судов. Капитан рассказывал, как и зачем строили шлюзы. Показал фотографию Москвы-реки 20-х годов, где река была размером с ручеек, а по песку между каменными набережными ходили люди и даже ездили повозки. К своему стыду, я не знал, что в 30-е годы Москвы-реки, по сути, не стало: ее наводнили волжской

водой и проложили судоходный путь на Волгу. А от Москвы лишь только бренд остался. В этом даже что-то есть: главная русская река волевым решением, инженерной мыслью и жизнями многих людей оказалась в главном русском городе. Пока капитан рассказывал о заключенных, которые строили каналы, внутри в очередной раз стало пусто от понимания, что очень многое у нас появляется только через кровь, страдание и смерть. Но не буду уходить в эту сторону рассказа — про историю каналов вы можете прочитать самостоятельно. Хотя история, построенная на «крови и костях» и рассказанная на палубе баржи, замкнутой в стенах шлюза, наверное, имела влияние на дальнейшие события.

Нижние ворота шлюза закрылись, и наша баржа стала медленно подниматься. Затем открылись страшные железные постапокалиптические ворота, и мы продолжили свой путь в ночь.

За это время удалось деанонимизировать оставшихся героев.

Мужик из МЧС с подругой или женой. Крепкий. Настоящий мужчина. Лицо строгое. Сложно уловить взгляд, но в паре моментов было видно, что у него красивые, глубокие и грустные глаза. И это наделяло его внешность неким парадоксом. Думаю, он воевал. Но в эту ночь у него было свидание. И это делало его молодым: возвращало куда-то в прошлое, где его глаза были добрыми и светлыми. Хотелось в это верить.

Далее девушка, в темном плаще и шляпе. Не очень высокая. Курила самокрутки. Шляпы очень идут женщинам — ее присутствие на барже ассоциативно вело куда-то в дореволюционные речные круизы, а может быть, к «Титанику» или другим большим кораблям с пассажирами в красивых одеждах. «Титаник» утонул, речных круизов с красивыми пассажирами больше нет, но этой ночью эта девушка единолично создавала пространство — и казалось, что мы плывем не только по воде, но и перемещаемся через людей по их временам.

Еще была семья с двумя детьми: отец заботливо укутал двух дочерей в пледы и наливал им чай из термоса.

Становилось холодно. Мы продолжали заходить в шлюзы и подниматься в ночи.

Капитан закончил свой рассказ и со своим приятелем у штурвала пил что-то из фляги.

В ту ночь было абсолютно темное небо. Кроме огней Москвы и светильника в капитанской рубке на втором этаже не было никаких фонарей, кроме красных, габаритных.

Холод усилился, и наши герои стали открывать разумно собранные припасы.

Я вдавил ключом пробку в бутылку красного вина и предложил его оперу, остальные прятали содержимое своих бутылок в бумажных пакетах. Оставалось плыть еще часа полтора.

Вино попало внутрь и пролилось согревающей волной. Между героями стали завязываться разговоры. Внезапно в небе на секунду мелькнула зарница. Разговоры затихли, но через минуту со всех как будто спала пелена, и началось второе действие.

Что-то разорвалось. Или надломилось. Мы поднялись в очередной шлюз, и непринужденный разговор между всеми участниками резко сменился. А ты видел смерть? А ты убивал? А как жить после того, как ты убивал? А что ты знаешь о любви? А Родина для нас что? А что ты знаешь о любви, когда ты любишь 30 лет человека, которого давно нет? А ты умирал? А как жить с человеком, которого не любишь?

Незнакомые между собой люди устремились в самые глубины своей боли и тайн. Невеста или подруга эмчеэсовца убежала в слезах. Он стоял молча и смотрел в темноту.

Девушка в шляпе ушла во мглу искать сбежавшую невесту. Сложная для всех беседа продолжалась, и казалось удивительным, что при всей изливающейся агрессии не случилось драки. Только потом я понял, что в этом месте или в этом сне драка была попросту невозможна. При этом каждый ранил другого сложными вопросами и себя самого, вскрывая свои самые сокровенные секреты и проблемы. Наблюдать и быть соучастником подобного мне никогда не доводилось.

Еще одна вспышка зарницы. И в следующее мгновение все начали плакать. Серьезно. Я почти никогда вживую не видел, как плачут взрослые мужчины. Плакали все. Плакали даже дети. Женщина в шляпе вернула невесту или девушку. Они тоже плакали. Плакал я, слизывал слезы и запивал их вином. Что-то очень странное произошло. Стало очень просто и легко. И нет, это был не алкоголь, который лишь притупляет боль.

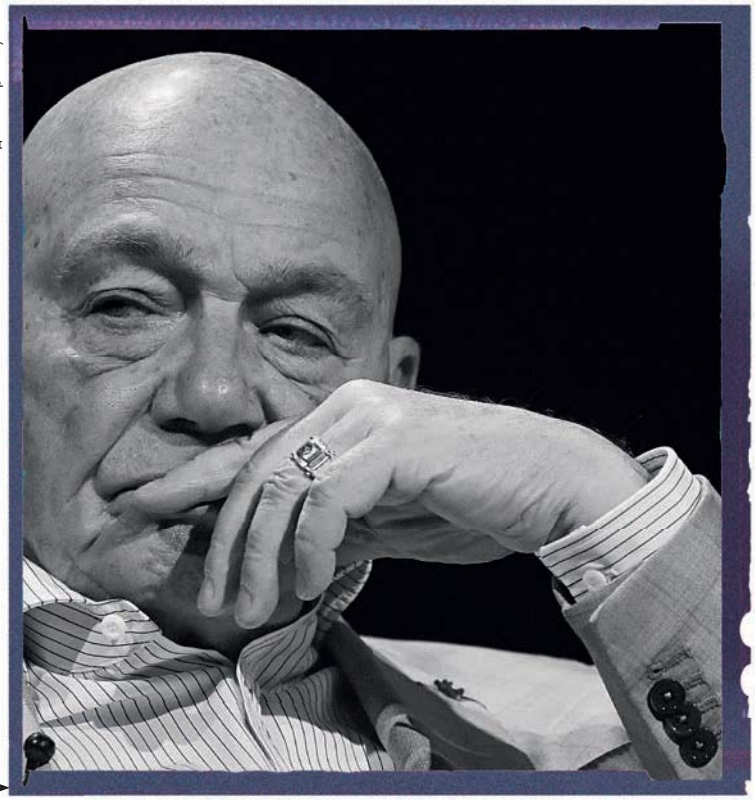
Между всеми нами произошло что-то светлое. Мы плакали, долго молчали, потом обнялись. Казалось, каждый что-то понял, что-то решил для себя в этот момент — я так точно.

Минут через десять начало светать. Мы прошли последний шлюз. Расцветающее зарево говорило нам, что мы вошли в новый день.

Речной вокзал. Мы прощались почти молча. Никто не брал ничьих контактов. И мы разошлись. Я шел с взорванными мозгами, но с сердцем, переполненным добром. Мне все стало понятно. Я дошел до Ленинградки, вызвал такси и в дороге прокручивал события минувшей ночи и долго пытался понять, что же это все мне напоминает. Река. Шлюзы. Что-то про Харона и его лодку. Голова уже плохо работала, но было явственно понятно, что из одного дня мы вышли в другом, пройдя какое-то странное место.

И да, похоже, в ту ночь мы все прошли через чистилище. Что-то в нас умерло, а с чем-то мы вернулись — и это уже навсегда.

Только через год я посмотрел первый раз фильм «Я остаюсь». Пошли слезы. В очередной раз я понял, что вселенная — это очень странная и добрая штука.

донат сорокин/тасс

Бремя испытательного срока

текст: владимир познер рисунок: маша сумнина

Телеведущий Владимир Познер — атеист, и это один из аргументов насчет того, что он может порассуждать на тему чистилища — как независимый наблюдатель. До поры до времени, конечно.

ИЗ ВСЕГО, что придумали разные люди на тему устройства так называемого загробного мира, мне чистилище, пожалуй, симпатичнее всего. Я, как атеист, понимаю, что и ад, и рай, и чистилище — все это придумано церковью, чтобы держать людей в узде. Если будешь слушаться, значит, попадешь в рай, если не будешь слушаться, попадешь в ад. Ну а чистилище — это для тех, кому, скажем так, дана надежда на то, что они все-таки могут попасть в рай. Хотя могут и в аду оказаться. Это некий испытательный срок или тест: ну вот посидишь в чистилище изрядно, и в какой-то момент судьба твоя решится. На самом деле это все довольно смешно, если вдуматься. Но тем не менее работает до сих пор. Правда, работает хуже, чем работало когда-то, но все-таки еще работает — особенно с людьми малообразованными.

Конечно, есть верующие и среди людей с высшим образованием, обладающих большими знаниями, но они веруют совсем по-другому. У них нет вот этого простого, если не сказать примитивного, представления, что где-то есть рай и где-то ад. У них несколько иные представления.

Я таких людей знаю, хотя обычно я как-то не спрашиваю у человека, верует он не верует — это сугубо личный момент. Но все-таки я знаю, что некоторые мои близкие друзья — люди верующие. Но верующие совсем по-другому, они даже в церковь-то не ходят.

Ну а что касается чистилища — по-моему, это еще и попытка добиться большей веры. Потому что без чистилища концепция была бы черно-белой, либо ад, либо рай. А тут есть третий вариант выбора. В отличие, скажем, от ситуации с поправками к нашей Конституции, где либо ад, либо рай — или вы голосуете сразу за все поправки,

Из всего, что придумали разные люди на тему устройства так называемого загробного мира, мне чистилище, пожалуй, симпатичнее всего.

или ни за одну. Но я, например, некоторые поправки поддерживаю, а некоторые нет и хотел бы голосовать выборочно. А мне говорят: нет, вот вам комплексный обед, и либо вы его едите целиком, либо вообще не едите. А церковь тут дальновиднее оказалась. Она предложила еще и чистилище. Это довольно умная вещь. Еще и потому, что не такая страшная. Ну посудите: чтобы попасть в рай, надо всю жизнь быть суперправильным, и это очень тяжело; а для ада вам надо быть злодеем. Ну а тут щадящий вариант: да, ошибки, неидеальные поступки, но если вы раскаялись, пожалуйте так и быть в чистилище. Неглупый ход.

И все же люди все меньше верят церкви, ее догматы все больше подвергаются сомнениям.

Я бы сказал, что здесь есть несколько причин. Давайте вспомним, что в сказках разных народов священник, а в России просто поп, часто выводится как жадный, неприятный злобный тип — достаточно вспомнить сказку Пушкина «О попе и работнике его Балде». Или взять, скажем, английский эпос о Робин Гуде, который грабил богатых и отдавал беднякам. И богачи эти были как раз аббаты — то есть и здесь церковь выглядит как оплот накопительства, а церковники как угнетатели, обирающие людей. И такое отношение существовало даже в те времена, когда знаний было мало, противостоять идее существования всесильного бога, от которого все на свете зависит, было сложно, к тому же церковь бдительно охраняла эту идею от посягательств.

С развитием науки, начиная приблизительно с XVI века, с появления Джордано Бруно и Галилея, влияние церкви стало уменьшаться. И во время Великой Французской революции, которая началась в 1789 году, священников вешали — настолько их ненавидели. То же самое происходило и в России в 1917-м. Это же факт! Священников считали кровососами, хотя многие из них не были таковыми. Словом, со временем церковные утверждения становятся все менее и менее приемлемыми, и гаснет вера. Кроме того, нравы многих нынешних представителей церкви представляются довольно скверными. Я уж не говорю о педофилии, которой просто поражена римско-католическая церковь, и даже не спрашиваю, удостоятся ли некоторые церковники места хотя бы в чистилище.

Несколько лет назад у меня был интересный спор с кардиналом римской курии, который считается там теоретиком. Я тогда поздравил его и вообще римско-католическую церковь с тем, что спустя 500 лет они согласились с Галилеем. «Это изумительно, что “всего” 500 лет потребовалось», — добавил я. Это был острый разговор. «Знаете ли, — сказал он мне в конце концов, — есть истина научная, и есть истина религиозная, и эти две истины не сходятся». Действительно, не сходятся. Но что есть истина — вопрос.

Но у священников нет ответов даже на те вопросы, которые вы-

текают непосредственно из чтения Библии. А человечество, как мне кажется, на вопрос «почему?» уже не удовлетворяется ответом «потому» из серии «неисповедимы пути господни».
Совершенно очевидно, что вера сегодня остается как философия, но не как церковь.
Возможно, на бытовом уровне религия воспринимается и просто как моральный кодекс.
Наши, европейские, представления, безусловно, отталкиваются от Ветхого и Нового Заветов. Это правда. И вообще, христианство сыграло огромнейшую, ключевую роль в нашем формировании. Но, как говорил выдающийся философ Маршалл Маклюэн, «сначала мы создаем наши инструменты, затем наши инструменты создают нас». То есть это мы создали христианство, а потом христианство создало нас. Это касается многих областей человеческой деятельности, ну а в классическом искусстве — в живописи, в литературе, в музыке — без библейских сюжетов вообще никуда, что и говорить.

Мы создали христианство, а потом христианство создало нас.

Но вот заповеди, или, по Маяковскому, «Что такое хорошо и что такое плохо», они давно отпочковались, так сказать. Эти законы морали — не убий, не укради, не лжесвидетельствуй… — есть во мне, я абсолютно согласен с ними. Но при этом я не религиозен, и от нарушения этих правил меня удерживает вовсе не религиозный страх попасть в ад или чистилище. Я не нарушаю их, потому что мне это отвратительно. Невозможность этого — внутри меня, и это другое. Было такое, что в каком-нибудь баре какую-нибудь пепельницу, очень красивую… да-да, правда, хотелось! Ну прямо очень красивая — но не могу! Не мо-гу. Не могу руку протянуть и засунуть это в карман. Это точно не страх. Но это результат, конечно, нашего общего христианского развития, и в моем случае это все же и мои родители, то есть воспитание, и образование.
Но что касается религии как нравственной основы, то сегодня, боюсь, она уже никого по-настоящему не сдерживает — ни чистилищем, ни адом никого не напугать. Когда-то давно преступник мог купить себе у церкви индульгенцию, снимающую грех. Но это давно кончилось за ненадобностью. Сегодня бандитов и отпевают, и на могилы спокойно ставят кресты, хотя по церковным канонам бандит даже в чистилище не попадает. Туда попадает только Робин Гуд — и то как персонаж старой легенды, которая гласит, что смыслом его жизни была помощь угнетенным.

Можно ли представить чистилище не как Дантово обиталище ожидающих своей участи грешников, не избавившихся от гордыни, зависти и других страстей, а как обычное внутреннее состояние человека? Это очень тонкая материя, разумеется, но в принципе я согласен, что вообще, если иметь в виду нормального человека, чистилище находится внутри нас, хотя у некоторых внутри находится ад. И почти ни у кого не находится рай.
Но что касается меня лично, то должен сказать, что я лишен зависти. Совсем. Наверное, я могу позавидовать тому, что кто-то так играет на гитаре, как я очень хотел бы. Ну это, как вы понимаете, не та зависть. Я знал людей действительно завистливых, людей, которых это чувство буквально гложет и толкает на абсолютно неблаговидные поступки. Это зависть настоящая и полновесная, и я счастлив, что совершенно лишен этого чувства.
Зависть никого еще не делала лучше, она только разрушает.
А вот честолюбие, напротив, является двигателем личного прогресса. И во мне определенное честолюбие, безусловно, есть. Но его я не считаю грехом, и это меня не мучает совершенно. Есть очень тяжелое, мучительнейшее чувство, которое сродни зависти, — это ревность. Я думаю, что ревность — буквально столп внутреннего чистилища и в отдельных случаях прямой пропуск в ад. У Шекспира, которого все мы читали, об этом все написано. Ревность живет не в каждом человеке, и на самом деле она связана с чувством собственника: это мой мужчина, это моя женщина, она принадлежит мне. Ну да кроме зависти и ревности есть масса других частых грехов — например, ложь, полуправда, трусость.
Хотя, разумеется, не всякий, кто испытывает страх, трус. Страх свойственен каждому человеку. Это, можно сказать, рефлекс, который нас защищает. Бесстрашие, особенно связанное с безрассудством, меня совершенно не восхищает. Совсем другое дело, когда человек преодолевает боязнь. Это уже мужество. Вещь, совершенно противоположная трусости, подленькой кондиции и безусловному атрибуту внутреннего чистилища.

А что касается внешнего чистилища, то я бы не стал искать такое место на земле. Скорее, таким чистилищем может быть какое-то испытание. Хотя испытание может быть и адом. Я сейчас перечитываю великую книгу, которую первый раз читал 60 лет тому назад. Это «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Она об испытании адом. Мы отмечаем 75 лет окончания войны, но не представляем себе то, через что проходили люди. Надо обладать гигантским талантом и мужеством, чтобы это описать. Мне кажется, Гроссману это удалось. Едва ли возможно снять равнозначный этой книге фильм — да и смотреть это, наверное, будет невозможно.
Ну а если говорить о том, через что мы сейчас проходим, то думаю, что здесь можно было бы провести параллель с чистилищем. Я даже в этом уверен. Потому что все чаще сегодня можно слышать, что пандемия — своего рода реакция природы на наш общий образ жизни. Я очень рад, что люди стали так думать, потому что, конечно, мы губим свою землю — из-за жадности, из-за беспечности и безответственности. Пандемия заставляет нас об этом задумываться.
К сожалению, не всех. Но многих. И если это приведет к тому, что мы, как человечество, осознанно изменим свое поведение, то будет, конечно, замечательно.

Слушать — сюда

русский пионер

пионерские чтения

наталья львова

Чистотилище

текст: андрей десницкий рисунок: михаил щербов

Ну вы сами подумайте, разве можно в таком номере обойтись без колонки библеиста? Тем более есть в рядах колумнистов «РП» библеист Андрей Десницкий. Хотя в Библии-то ничего про чистилище нет. Это художественный вымысел, если разобраться. Вот автор и разберется.

ПОЖАЛУЙ, ЧИСТИЛИЩЕ — одно из первых изобретений цивилизации, которую мы сегодня называем Западом. Предвижу вопрос: как, разве это не древнее библейское понятие, свойственное всем христианам? После смерти людские души попадают в некое особое место, где их ждет расплата за земные грехи?

Вовсе нет. Христианство, как и многие иные религии, утверждает, что после смерти человека может ждать благая или злая участь, в зависимости от того, как он жил, и это окончательно, пересмотру не подлежит. Так это описано и в Новом Завете. И вплоть до Высокого Средневековья всех это устраивало (православных и католиков устраивает и до сих пор). Проповедники рассказывали о примерах праведного и грешного поведения, которые приводили людей соответственно в рай или в ад.

Но как же мы? Большинство осознает про себя: праведниками нас не назовешь, но и грешники-то бывают пострашнее… В рай точно не по заслугам, а в ад не хочется, да и несправедливо. Неужели есть только две окончательные возможности?

В некоторых текстах, как новозаветных, так и других раннехристианских, говорится о неких испытаниях души после смерти (православные позднее выведут из них учение о «мытарствах», по сути, о сложной «растаможке» души по пути в рай). И вот в XII–XIII веках в Западной Европе постепенно складывается учение о чистилище, на латинском языке — Purgatorium. То есть это место временного наказания умеренно грешных душ: они должны через него пройти, тем самым очиститься и приготовиться к вхождению в рай. Постепенно это учение становится догматом в католицизме.

На первый взгляд, ничего не изменилось: праведность приводит душу к райскому блаженству (пусть теперь и не напрямую), а греховность — в ад. Но перемены оказались радикальными. До сих пор нравственные оценки делились на «плюс» и «минус», теперь появляется шкала: насколько это греховный поступок? Скольких лет в чистилище он будет тебе стоить, какие конкретно мучения его искупят? Данте в «Божественной комедии», написанной на простонародном флорентийском наречии (будущем литературном итальянском), был, по сути, одним из первых, кто детально описал чистилище. Он поместил туда тех самых средненьких (но далеко не посредственных!), расписав очень подробно и красочно эту самую градацию грехов:

Тогда мы очутились за порогом,
Заброшенным из-за любви дурной,
Ведущей души по кривым дорогам,
Дверь, загремев, захлопнулась за мной…

А заодно и у церкви появились совершенно новые возможности. Молитва за умерших практиковалась с самых древних времен, но теперь появился своеобразный прейскурант: если понятно, что такой-то грех требует такого-то искупления (с конкретными подробностями мучений и четко обозначенным сроком), то и избавить от них может вполне

определенное число молитв, богослужений и постных дней, которым живые предаются ради умерших. Прежде всего этим занимались родственники покойного, но если он был, к примеру, достаточно состоятельным феодалом, то можно было препоручить это занятие профессионалам, то есть монахам, за определенный вклад в монастырскую казну. Грех и покаяние становятся товаром.

Самый яркий пример — индульгенция, то есть подписанное папой римским отпущение грехов, которое продавалось за деньги и «избавляло» от мучений в чистилище на определенный период времени. Можно было выкупить душу своего покойного предка, а можно было заранее позаботиться и о собственной. Собственно, и «покаянием это уже не назовешь»…

Понятно, что торговля индульгенциями выглядела очень неприглядно, периодически люди выступали против нее, и наконец молодому монаху по имени Мартин Лютер удалось выступить настолько громко и внятно, что начался процесс, впоследствии названный Реформацией.

Но еще прежде того в Европу пришла эпидемия бубонной чумы, «Черная смерть» середины XIV века, которая выкосила где четверть, где половину, а где и больше половины населения (точные оценки сегодня невозможны). Она многое изменила во всех областях жизни европейцев, от медицины до экономики. А для нас, пожалуй, самым заметным ее признаком стали изображения «пляски смерти» — хоровода, в котором скелеты ведут людей всех сословий и званий… в чистилище, конечно. А что их там ждет? Позднее Средневековье — это еще и время какого-то мучительного, пристального внимания к загробным мукам, к этим чертям со сковородками. Может быть, именно потому, что теперь можно было верить: они не навсегда?

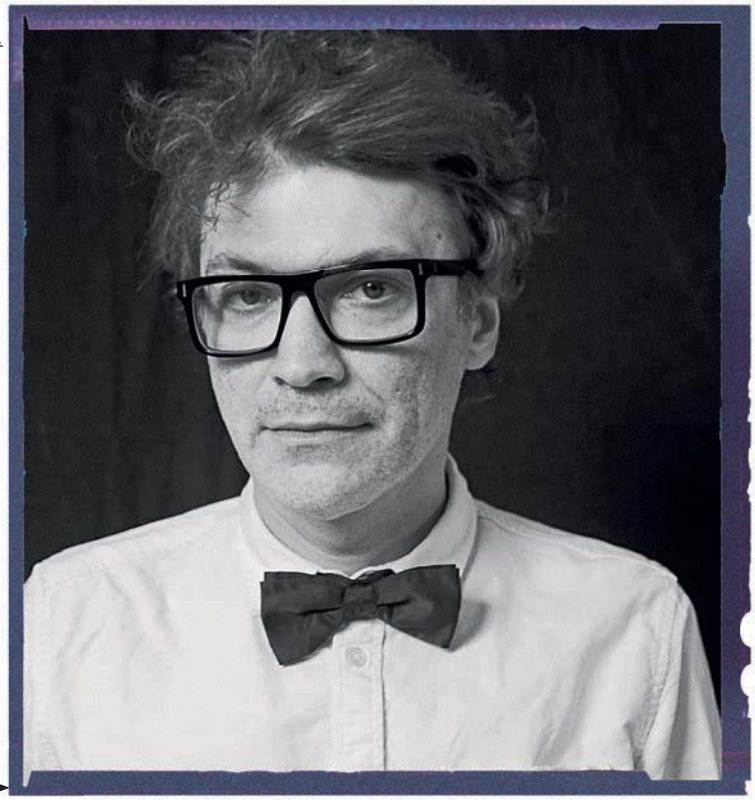
Во время этой эпидемии, как рассказывает Джованни Боккаччо в книге под названием «Декамерон», десять флорентийских подростков, юношей и девушек, самоизолировались на загородной вилле и, чтобы скоротать время, стали рассказывать друг другу разные байки, как водится у подростков, не очень приличные. А Боккаччо все это якобы просто записал. И так анекдоты стали началом литературы нового типа.

На заре Средневековья, и даже в его зените, в письменные тексты попадали исключительно герои-рыцари и прекрасные дамы или, наоборот, подлые предатели и псы-сарацины — маски, сплошные маски, без малейшей индивидуальности. С распространением представлений о чистилище широко расходятся и сборники проповедей, в которых описываются всевозможные грехи и пороки, в деталях и подробностях, с указаниями, сколько и каких мучений за что положено. А главное — подробности, подробности!

Но и в этих сборниках «примеров», как это называлось, перед нами тоже, скорее, маски праведников и грешников. Иногда праведники впадают в грех, а грешники каются, но в каждый конкретный момент времени они однозначно черные или белые. И вдруг здесь, в «Декамероне», на пороге Возрождения, в пространство книги врываются такие живые и разноцветные люди со своими страстишками, причудами и проказами. В рай им точно рановато, но и в ад навечно вроде как не за что — идеальные кандидаты в чистилище! И как интересно про них читать…

Европейская литература с ее психологизмом, портретностью, со всей этой «достоевщиной»… Могла ли она возникнуть без представлений о чистилище? Наверное, могла. Собственно, о чистилище уже мало кто думает, садясь за письменный стол или за клавиатуру компьютера. Мысли о посмертных мучениях души в наш век крайне непопулярны. «Хождение по мукам» — так Алексей Толстой назвал свой роман о вполне земных событиях Гражданской войны, но ведь имеется в виду православный аналог чистилища. А может быть, сама идея социального переустройства общества — она родом оттуда же? Давайте как следует помучаемся, искупим грехи старого режима, чтобы затем войти в светлое царство вечного коммунизма…

Пожалуй, я начинаю фантазировать. Но все же, все же… Идея посмертного воздаяния — одна из самых древних в истории человечества. Но чистилище с его пристальным вниманием к мелочным грехам и с его неокончательностью, подвижностью, пожалуй, одна из первых и очень важных ступеней на пути к тому, что мы сегодня называем Западом. Так уж оно сложилось. *рп*

из личного архива

Уйти на края

текст: павел пепперштейн рисунок: маша сумнина

Художник Павел Пепперштейн считает, что человеку, чтобы сегодня пройти через чистилище и выйти куда надо, придется убедить себя почувствовать второстепенным персонажем вроде Санчо Пансы. У Павла Пепперштейна есть аргументы. И он ими с нами делится.

ЧИСТИЛИЩЕ, в католическом понимании, — это состояние, в котором пребывают души христиан для окончательного очищения от земных грехов, чтобы уже в безгрешном состоянии отправиться в рай.

Нынешняя ситуация на Земле настолько сюрреалистическая, что уложить ее в какие-либо прежде существовавшие представления невозможно. Мир затих, оказался без людей, внезапно оказался объединен чем-то общим, по слухам, прекратились войны. Происходит расцвет природы.

Земная жизнь как никогда прежде похожа на чистилище. Только происходит оно не во имя человека, а наоборот, от человека. Сама Земля использует этот момент для собственного очищения.

Я не сторонник конспирологии, но здесь сложно не увидеть умысел. Умысел не фармкомпаний или корпораций, а умысел со стороны среды остановить пренебрегающее ею человечество.

Нельзя исключать, что это могли подстроить дельфины, чтобы вернуться в Венецию. Дельфины достаточно умные, и не исключено, что какой-то гениальный дельфин задумал этот план.

Среда и другие высшие сущности объявили нам войну, но воспринимать это стоит не как прямое нападение, а как оборону. Человек очень долго истреблял и эксплуатировал животных, загрязнял и выжимал из планеты все возможные соки. Мы слишком долго вели себя как фашисты по отношению к природе и живым существам.

Из человеческой истории известно, что войны прекращаются одним способом: посредством дипломатии. Нам необходимо найти с планетой соглашение. Точку, в которой она согласится с тем, что мы продолжим наше существование, а мы согласимся с тем, чтобы стать совершенно другими.

В рамках нашей цивилизации схема власти реализуется через язык. Участвовать в этой схеме может только тот, кто способен выражать претензии и намерения на общепонятном языке, а значит, перед нами встает языковая проблема и очень важная задача: обнаружить контакты, выработать язык вневидового общения, не ограниченный потребностями человеческого вида.

Я давно предлагал включить дельфинов в ООН, чтобы выслушать их мнение.

Сейчас же мы заинтересованы в том, чтобы подключить свои лучшие творческие и интеллектуальные силы, чтобы придумать, как услышать как можно больше языков и ввести их в сферу представительства.

Нам следует одолеть видовой эгоцентризм — перестать быть антропоцентричными, потому что мир, очевидно, таковым быть перестает.

Мы вкладывали и продолжаем вкладывать множество усилий, пытаясь обнаружить контакт с далекими внеземными цивилизациями, но настал момент обратиться к тем цивилизациям, которые существуют с нами постоянно, которые с нами переплетены и которые и есть на самом деле мы. Мы не можем существовать ни отдельно от всех, ни над всеми.

Самый сложный вопрос состоит в том, что этот новый общий язык должен из себя представлять.

Думаю, каждый мыслящий человек должен пытаться его нащупать. Каждая мысль и каждая, даже самая парадоксальная идея в этом направлении — на вес золота. Они должны вноситься в архив.

В этом деле усилия художников, писателей, музыкантов важны так же, как усилия ученых. Может, контакт установится через рисунок или другой вид литературы, который был бы обращен уже не только к людям.

Конечно, новый язык требует и новой логики самого существования человечества и нового значения ключевых для нашей цивилизации понятий.

Идея прогресса, на которой мы воспитаны и которую мы впитали в себя, порочна. Она предполагает покорение, развитие через подчинение. Это не значит, что в новой, постковидной эпохе мы должны будем отказаться от прогресса, но нам нужно придать ему совершенно другое наполнение: это должен быть прогресс взаимодействия со средой. Прогресс принятия ограничений, которые накладывает среда. В стержень прогресса должно войти не менее важное для нашей цивилизации понятие: смирение. Новая эпоха сделает эти слова синонимами.

Сейчас мы, к сожалению, от смирения очень далеки. Мы, возможно, за много тысячелетий впервые поставлены в ситуацию, когда должны понять, что оно вообще значит.

К нам приходили высочайшие сущности из высших сфер — Будда, Иисус Христос, Моисей — и пытались нас обуздать. Моисей говорил: «Вы народ жестоковыйный». И это относится ко всем людям. Мы очень эгоистичные существа, не имеющие никаких пределов и барьеров.

Сейчас нам эти барьеры ставят, так как мы просто не можем их обнаружить внутри себя. Если бы мы были способны их обнаружить, такие меры бы не понадобились. Но мы не можем, и даже винить себя в этом не стоит. Это наш видовой путь.

Раньше мы сам эгоизм понимали эгоистически — как поведение в отношении людей. Теперь пришло время понять эгоизм как отношения за пределами человеческого вида.

Мы точно уже никогда не будем царями природы, и слава богу, потому что мы не цари и не во благо нам быть царями. Цари всегда обречены на гибель.

Как Борис Годунов, который пытается обеспечить будущее своего сына, но он не может, потому что, как только он умрет, его сына-царевича зарежут, как сам он зарезал когда-то предшествующего наследника царевича Дмитрия.

Если мы хотим царствовать, тогда мы должны исчезнуть, потому что великое падение есть продолжение величия.

Поэтому человеку нужно по-другому выстроить свою идентичность. Мы должны навсегда отказаться от роли протагониста и вместо него стать второстепенными персонажами, помощниками. Санчо Пансами, а не Дон Кихотами. Горацио, а не Гамлетами. Лепорелло вместо Дон Жуана. Роль этих персонажей очень разработана, и она отнюдь не хуже, а во многом даже лучше главной. Притом сами классические сюжеты остаются актуальными, и менять их нет никакой необходимости. Изменить нужно лишь точку зрения.

На место протагониста же придет Неизвестное. Нечеловеческое.

И мы не можем знать, что конкретно, так как мы вообще очень мало знаем о нечеловеческом. Мы не знаем, как мыслят вирусы, как мыслят сосны, камни, лягушата.

От нас же требуется уйти на края. Выйти за границы этого ландшафта и стать его рамой. Скромной, ответственной и оберегающей.

Я уверен, что человек сможет это сделать, так как человек очень талантлив.

Мир, который мы не понимаем и даже который не сможем понять, оказался выше и значительнее того, что мы принимаем и мыслим в качестве значительного. И сейчас нам нужно этому непонятному нам миру доказать, что мы ему небесполезны.

Перейти на уровень служебных сил, стать его ангелами.

И тогда после чистилища последует рай. *рП*